

Зыгмунт Збыровски

Еврейский вопрос в жизни и творчестве Бориса Пастернака

Studia Rossica Posnaniensia 28, 37-42

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

JEWISH PROBLEM IN THE LIFE AND WORK OF BORIS PASTERNAK

ЗЫГМУНТ ЗЫРОВСКИ

ABSTRACT. Jewish born Boris Pasternak like his parents was the follower of ethnic assimilation. In his literary work he avoided to rise the Jewish question and antisemitism. Only in his novel *Doctor Zhivago* he stated that Jewish people should convert to Christianity and resign of their national identity, religious and cultural tradition.

Zygmunt Zbyrowski, Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Instytut Filologii Rosyjskiej, ul. Grobla 2, 85-601 Bydgoszcz, Polska – Poland.

Родители Пастернака происходили из еврейских семей, проживающих в Одессе. Они придерживались либеральных взглядов и пассивно относились к вере и обычаям предков¹. Их религией было искусство и своеобразный пантеизм². Они были также убежденными сторонниками ассимиляции евреев. Однако это, очевидно, в меньшей степени касалось веры, а главным образом языка и культуры.

Отсутствие глубокого интереса родителей к вопросам религии подтвердил сам писатель в интервью, данном Джону Роббинсу: „Я родился евреем. Моя семья интересовалась музыкой и живописью и оказывала мало внимания религиозной практике”³. Имеются основания для предположения, что ассимиляция родителей не была полной и окончательной и не означала разрыва с еврейским окружением. Прежде всего сохранялись хорошие, сердечные семейные связи с ближайшими родственниками. Среди знакомых и друзей также было немало евреев, в том числе были и ортодоксы, и даже сионисты. Отец писателя как художник-живописец постоянно проявлял живой интерес к еврейской тематике и писал портреты наиболее видных представителей науки и искусства еврейского происхождения⁴.

¹ J. S t o r a, *Pasternak et le judaïsme*, „Cahiers du monde russe et soviétique” 1968, vol. 9, nr 3-4, с. 354.

² Л. О. П а с т е р н а к, *Записи разных лет*, Москва 1975, с. 104.

³ J. R o b b i n s, *Boris Pasternak's Last Message to the World*, „Herald Tribune” (New York) 1960, August 7, с. 5.

⁴ M. Z. B e n - I s h a j, *With Pasternak in Moscow*, „Ha-door” (New York) 1958, December 12; N. B e n - A s h e r, *Jewish Identity and Christological Symbolism in the Work of Three Writers*,

В таких жизненных обстоятельствах и в такой атмосфере формировалась национальная и религиозная позиция Бориса Пастернака. Так же, как и родители он выражал убежденность в необходимости ассимиляции евреев⁵. В разговоре с Александром Гладковым писатель заявил: „Во мне есть еврейская кровь, но нет ничего более чуждого мне, чем еврейский национализм [...]. В этом вопросе я стою за полную еврейскую ассимиляцию. И мне лично единственно родной кажется русская культура [...]”⁶.

Пастернак хотел забыть о своем еврейском происхождении. Но это оказалось невозможным. Об этом пишут авторы воспоминаний⁷. Еще в детстве ему очень больно напомнили, что он еврей. Это произошло при следующих обстоятельствах. В возрасте десяти лет он должен был поступать в первый класс Пятой классической гимназии в Москве. Он был превосходно подготовлен и блестяще сдал вступительный экзамен. Но его не приняли, несмотря на ходатайство высокопоставленных лиц. Директор так мотивировал отказ: „К сожалению, ни я, ни педагогический совет не может ничего сделать для г. Пастернака: на 345 учеников у нас уже есть 10 евреев, что составляет 3%, сверх которых мы не можем принять ни одного еврея [...]. К будущему августу у нас освободится одна вакансия для евреев, и я от имени педагогического совета могу обещать предоставить ее г. Пастернаку”⁸. Действительно, через год Борис был принят во второй класс.

Очередной раз ему пришлось занять четкую позицию в еврейском вопросе во время семестрального обучения в Марбурге в 1912 году. Видный философ, профессор Герман Коген придавал большое значение проблеме еврейского самоопределения. В связи с его 70-летней годовщиной русские студенты захотели преподнести ему его портрет, написанный Леонидом Пастернаком. Тот согласился, но решительно отказался позировать из-за сомнений относительно религии художника. По этому вопросу Борис писал родителям: „В этих переговорах появился сторонний и поэтому оскорбительный мотив. Коген соглашается позировать только еврейскому художнику”. В очередном письме он признавался: „... что-то мне во всем этом несимпатично. Он прав: ни ты, ни я – мы не евреи; хотя мы не только добровольно и без всякой тени мученичества несем все, на что нас

„Jewish Frottier” 1972, November, с. 9; J. S t o r a, указ. соч., с. 353; A. R a n n i t, *The Rhythm of Pasternak II. Pasternak in Search of His Place. 1924-1936*, „Bulletin of the New York Public Library” 1960, vol. 64, nr 8, с. 439.

⁵ J. C a n g, *Pasternak. Prophet of Jewish Assimilation. Is Russia Rehabilitating the Famed Author*, „The Jewish Digest” (New York) 1967, nr 12 (September), с. 9-12.

⁶ А. Г л а д к о в, *Встречи с Пастернаком*. В: *Воспоминания о Б. Пастернаке*, Москва 1993, с. 336.

⁷ О. И в и н с к а я, *В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком*, München 1978, с. 151; И. Б е р л и н, *Встречи с русскими писателями*. В: *Воспоминания...*, указ. соч., с. 526.

⁸ Е.Б. П а с т е р н а к, *Б. Пастернак. Материалы к биографии*, Москва 1989, с. 48.

обязывает это счастье [...] мы не только несем, но я буду нести и считаю избавление от этого низостью; но нисколько от этого мне не ближе еврейство"⁹. Но он был в этом вопросе непоследовательным, так как высказывал также мнение, что отец является безупречным евреем.

Интересный свет на отношение Пастернака к еврейской среде бросают юношеские любовные увлечения. Первыми объектами его чувства были еврейки: двоюродная сестра Ольга Фрейденберг и Ида Высоцкая. Его первая жена, Евгения Владимировна Лурье, происходила из ортодоксальной еврейской семьи. Он сам не придавал значения религиозной обрядности, но уступил настойчивому требованию тещи и согласился на бракосочетание в синагоге.

Многие из ближайших и самых сердечных его друзей из литературной, художественной и интеллектуальной среды были евреями, хотя, по-видимому, ассимилированными. Пастернак почти не сталкивался с антисемитизмом, направленным против него. Только в период кампании в связи с *Доктором Живаго* и Нобелевской премией появились антисемитские мотивы.

Писатель сознательно и последовательно избегал в автобиографических произведениях, переписке и разговорах этого стеснительного для него вопроса. В жизни, в непосредственных контактах с людьми в основном это удавалось. Возникает, однако, обоснованный вопрос, насколько он хотел и сумел в своем творчестве полностью порвать с духовной иудаистической традицией. Юдит Стора считает, что происхождение и десятки лет прожитых в еврейском окружении должны были оказать влияние и оставить неизгладимый след в способе его мышления и чувствования и найти отражение в мировоззрении, выраженном в творчестве¹⁰.

До *Доктора Живаго* ему удавалось почти полностью обходить еврейский вопрос. В автобиографических произведениях он замалчивал упомянутые неприятные для него эпизоды, когда люди и обстоятельства больно напоминали ему, что он чужой¹¹. И все же невозможно без конца делать вид, что в окружающем обществе нет евреев, еврейского вопроса и антисемитизма.

Мысль о необходимости ассимиляции полностью восторжествовала в *Докторе Живаго*, что вместе с тем подтверждает тезис критика Наоми Бен Ашера, что у еврейского писателя раньше или позже, так или иначе должна проявиться его этничная сущность и он должен выразить свои взгляды¹². Существуют противоречивые и даже противоположные мнения

⁹ Там же, с. 157.

¹⁰ J. Stora, указ. соч., с. 362.

¹¹ Е. В. Пастернак, *Значение автобиографического момента в романе „Доктор Живаго“*. В: *Pasternak – Studien I. Beiträge zum Internationalen Pasternak-Kongress 1991 in Marburg*, München 1993, с. 103.

¹² N. Ben-Asher, указ. соч., с. 9.

относительно места и значения еврейского вопроса в романе. Стора считает, что он занимает важное место¹³, тогда как Дмитрий Сегал подчеркивает его второстепенность в сюжете, в жизни и мировоззрении главного героя. Исследователь утверждает, что еврейским вопросом интересуются второстепенные персонажи¹⁴. Он не до конца прав, так как эта проблема волнует главного героя, а также таких важных персонажей, как его друг Миша Гордон и Лара. Именно ее подход очень характерен. Первоначальное сочувствие к страданиям евреев уступает место обвинениям, что они сами виноваты в своем положении: „Наверное, гонения и преследования обязывают к этой бесполезной и губительной позе, к этой стыдливой, приносящей одни бедствия самоотверженной обособленности, но есть в этом внутреннее одряхление, историческая, многовековая усталость. Я не люблю их иронического самоподбадривания, будничной бедности понятий, несмелого воображения”¹⁵. Наряду с этим она стесняется своих антиеврейских чувств, замечает свое внутреннее раздвоение в этом вопросе: „Или когда начались преследования и избиения евреев [...] И в такие погромные полосы, когда начинаются эти ужасы и мерзости, помимо возмущения, стыда и жалости, нас преследует ощущение тягостной двойственности, что наше сочувствие наполовину головное, с неискренним неприятным осадком” (с. 319). Лара представляет типичную позицию части прогрессивной дореволюционной русской интеллигенции.

Народный инстинктивный антисемитизм, смешанный с пониманием его необоснованности выражает в романе Галузина. В своем внутреннем монологе она раскрывает подход к евреям широких масс русского общества, которым евреи кажутся некрасивыми, отталкивающими, их поведение отвратительным: „«Сбились всем кагалом», – подумала Галузина, проходя мимо серого дома. – «Притон нищеты и грязи». Но тут же она рассудила, что неправ Влас Пахомович в своем юдофобстве” (с. 321).

Главным выразителем взглядов Пастернака является друг Юрия Живаго Миша Гордон. В нем есть некоторые автобиографические черты, писатель наделил его своими собственными чувствами, переживаниями и историософскими концепциями. Его детские раздумья отражают болезненные переживания Бориса в связи с неприятием в гимназию:

Его конечною пружиной оставалось чувство озабоченности, и чувство беспечности не облегчало и не облагораживало его. Он знал за собой эту унаследованную черту и с мнительной настороженностью ловил в себе ее признаки. Она огорчала его. Ее присутствие его унижало.

¹³ J. Stora, указ. соч., с. 335.

¹⁴ D. Segal, *Pro domo sua: the case of Boris Pasternak*, „Slavica Hierosolymitana” 1977, vol. 1, с. 214-215.

¹⁵ Б. Пастернак, *Доктор Живаго*, Ann Arbor, The University of Michigan Press 1967, с. 310. Все цитаты из романа приводятся по этому изданию с указанием в тексте номера страницы.

С тех пор как он себя помнил, он не переставал удивляться, как это при одинаковости рук и ног и общности языка и привычек можно быть не тем, что все, и при том чем-то таким, что нравится немногим и чего не любят. Он не мог понять положения, при котором, если ты хуже других, ты не можешь приложить усилий, чтобы исправиться и стать лучше. Что значит быть евреем? Для чего это существует? Чем вознаграждается или оправдывается этот безоружный вызов, ничего не приносящий, кроме горя? (с. 13).

Осознавая свое отличие, впечатлительный и вдумчивый мальчик чувствует свое одиночество, неуверенность, подозрительность, грусть. Ему начинает казаться, что все отрицательные понятия относятся к евреям, а положительные к остальным людям¹⁶. Это порождает в нем чувство вины. Не понимая причины, он осуждает взрослых. Отец не умеет ему объяснить существующее положение. Миша считает, что он найдет решение этой проблемы, отходя от общества с отрицательными качествами и присоединяясь к тем, которые воспринимаются как положительные, т.е. от еврейства к христианству. В этой утопической мечте¹⁷ мальчик выражает устойчивую пастернаковскую мысль о необходимости ассимиляции, отказа от своего еврейства.

Еврейский мотив вновь появился в сюжете романа, когда после многих лет друзья встретились на фронте. Разговор начал доктор, который в прифронтовой зоне наблюдал проявления антисемитизма. Он возмущается этим:

Это ужасно, – начал в виду их собственной деревни Юрий Андреевич. – Ты едва ли представляешь себе, какую чашу страданий испило в эту войну несчастное еврейское население. Ее ведут как раз в черте его вынужденной оседлости. И за изведенное, за перенесенные страдания, поборы и разорение ему еще вдобавок платят погромами, издевательствами и обвинениями в том, что у этих людей недостаточно патриотизма. А откуда быть ему, когда у врага они пользуются всеми правами, а у нас подвергаются одним гонениям. Противоречива самая ненависть к ним, ее основа. Раздражает как раз то, что должно было бы трогать и располагать. Их бедность и скудность, их слабость и неспособность отражать удары. Непонятно. Тут что-то роковое. Гордон ничего не отвечал ему (с. 122).

Отсутствие реакции Миши является показательным для его равнодушия по отношению к судьбе собратьев. Он не чувствует потребности солидаризироваться с ними, он сделал выбор – отверг их. Понимание и сочувствие высказывает не еврей – Гордон, а русский – Живаго. Он выражает взгляды той части русской интеллигенции, которая осуждала погромы, антисемитизм. К сожалению, в тогдашнем русском обществе это не было широко распространено. В позиции Гордона и во взглядах других персонажей писатель заключил расписанную на разные голоса суть своего

¹⁶ D. S e g a l, указ. соч., с. 218-219.

¹⁷ J. S t o r a, указ. соч., с. 356.

своего собственного жизненного и историософского подхода к трудной для него проблеме.

Выводы, к которым приходят Гордон и Пастернак, можно сформулировать таким образом: еврейство является историческим анахронизмом, поэтому следует ассимилироваться, принять христианство. Писатель и его герой советуют евреям духовное самоубийство, отказ от собственной традиции, культурных достижений, отрыв от национальных и религиозных корней. Чтобы обосновать эту обидную и неприемлемую для евреев историософскую концепцию, он проводит предвзятую интерпретацию истории. Приписывает им исключительно отрицательные черты – умственные и этические. Только полная слепота новообращенного позволяет ему не замечать очевидный вклад евреев (хотя бы своих родителей и собственный) в духовное, интеллектуальное и художественное развитие человечества. Вызывало это понятные обвинения некоторых еврейских кругов в том, что в *Докторе Живаго* он неверно, извращенно изобразил евреев¹⁸. По крайней мере, частично этот упрек можно считать обоснованным.

¹⁸ G. de Mallaс, *Pasternak and Religion*, „The Russian Review” 1973, vol. 32, nr 4, с. 365-366.